

Г. Джеймс

Письма Асперна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д40

Д40 **Джеймс Г.**
Письма Асперна / Г. Джеймс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-3309-1

Виртуозный стилист, недооцененный современниками мастер изображения переменчивых эмоциональных состояний, творец незавершенных и многоплановых драматических ситуаций, тонкий знаток русской словесности, образцовый художник-эстет, не признававший эстетизма, все это слагаемые блестящей литературной репутации знаменитого американского прозаика Генри Джеймса (1843 1916)., «Письма Асперна» один из шедевров «малой» прозы писателя, сюжеты которых основаны на столкновении европейского и американского культурного сознания, «точки зрения» отдельного человека и социальных стереотипов, «книжного» восприятия мира и индивидуального опыта. Трагикомические поиски незадачливым биографом утерянных писем великого поэта такова коллизия этой повести., Повесть вошла в авторский сборник Генри Джеймса «Осада Лондона», вышедший в серии «Азбука-классика (pocket-book)», Перевод Евгении Калашниковой.

ISBN 978-5-4241-3309-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© Г. Джеймс, 2023

Джеймс Генри
ПИСЬМА АСПЕРНА
(повесть)

С самого начала я обо всем рассказал миссис Прест; и, по правде сказать, я бы недалеко ушел без ее дружеского участия, ведь счастливая мысль, подвинувшая дело вперед, принадлежала именно ей. Это она усмотрела кратчайший путь и развязала гордиев узел. Говорят, женщины редко способны возвыситься до вольной и непредвзятой оценки положения вещей, если требуется найти из него выход, но женщинам порой приходят в голову смелые решения, до простоты которых никогда не возвысится мужчина. «А вы постарайтесь попасть к ним в дом в качестве жильца», — своим умом я бы ни за что до этого не додумался. Я ломал голову, прикидывал так и этак, измышляя способ познакомиться с барышнями Бордеро, пока миссис Прест не подала мне эту спасительную идею: стать знакомым легче всего сделавшись домочадцем. Сама она едва ли знала о барышнях Бордеро больше меня; напротив, я привез из Англии некоторые достоверные сведения, для нее явившиеся новостью. В незапамятные времена имя Бордеро связывалось с одним из самых прославленных имен нашего века, а теперь носительницы этого имени живут в Венеции уединенной, замкнутой, почти нищенской жизнью, в полуразрушенном старом дворце — вот все, что было известно моей приятельнице. Миссис Прест поселилась в Венеции лет пятнадцать тому назад и с тех пор совершила там немало добрых дел, но ни разу ее благотворительность не коснулась двух тихих, загадочных и словно бы даже не вполне респектабельных американок считалось, во всяком случае, что за долгие годы на чужбине они утратили свои национальные корни, не говоря уже о том, что самый звук их имен указывал на отдаленное французское происхождение, — к тому же они не просили помощи и не искали внимания. Вскоре после приезда в Венецию миссис Прест нанесла было им визит, но увидеть ей удалось только «меньшую», — так она называла племянницу, хотя впоследствии я мог убедиться, что ростом та куда выше тетки. Она услышала, что мисс Бордеро больна, и заподозрила нужду в доме, а потому немедленно отправилась предложить помощь — для успокоения своей совести, чувствительной к чужим бедам вообще, а к бедам американцев в особенности. «Меньшая» приняла ее в большой, холодной, обветшалой венецианской sala, центральном помещении дома, с выложенным мраморными плитами полом и поперечными балками, тускнеющими под высоким сводом, и даже не предложила сесть. Последнее обстоятельство не предвещало ничего хорошего мне, желавшему не просто сесть, а усесться плотно, и я высказал свои опасения миссис Прест. Она, однако же, глубокомысленно возразила: «Так ведь я пришла благодетельствовать их, а вы будете просить, чтобы они вас благодетельствовали, это большая разница. Их гордость вам пойдет на пользу». И она предложила тут же показать мне дом, свезя меня туда в своей гондоле. Я сознался, что уже не раз бродил около этого дома, но приглашение принял, для меня отрадно было даже находиться поблизости. Приехав в Венецию, я на завтра же отправился взглянуть на этот дом, — мне подробно описал все тот самый английский собрат, от которого я узнал о существовании писем, — и, штурмуя его взглядом, стал обдумывать план предстоящей кампании. Насколько мне было известно, Джеффри Асперн никогда не бывал в этом доме, но, казалось, неслышный отзвук его речей каким-то образом витает в окружающем воздухе.

Миссис Прест не было дела до писем, но ее занимал мой интерес к ним, как всегда занимали радости и огорчения друзей. И все же, сидя с нею вместе в уютной каютке гондолы и глядя, как скользят мимо прекрасные виды Венеции, оправленные в раму окна, я чувствовал, что кажусь ей немного смешным, и волнение мое при мысли о возможной добыче смахивает в ее глазах на типический случай маниакального помешательства. «Можно подумать, что вы надеетесь найти в этих письмах разгадку тайны бытия», — сказала она, и я лишь возразил, что, если бы мне пришлось выбирать между столь ценным открытием и пачкой листов, исписанных рукой Джеффри Асперна, я без колебаний знал бы, на чем остановить свой выбор. Она было усумнилась вслух, так ли уж велик его гений, но я не стал защищать его. Божество не нуждается в защите, божество само — защита себе. И притом теперь, после долгих лет относительного забвения, Асперн так высоко взошел в небе нашей литературы, что виден всему миру, он — один из тех, кто нам освещает путь. Я только позволил себе заметить, что он никогда не был дамским поэтом, на что она вполне резонно возразила: «А как же мисс Бордеро?» Помню, до чего странно мне было услышать в Англии, что мисс Бордеро еще жива; все равно, как если бы мне сказали, что жива миссис Сиддонс, или королева Каролина, или знаменитая леди Гамильтон — для меня она в той же мере принадлежала к ушедшему поколению. «Сколько же ей должно быть лет — не меньше ста!» воскликнул я тогда, но позднее, сопоставив даты, пришел к выводу, что она вполне могла не переступить еще грань обыкновенного человеческого долголетия. Все же возраст ее был почтенный, а с Джеффри Асперном она встретилась совсем юной. «В этом ее оправдание», — произнесла миссис Прест несколько сентенциозно, но при этом как бы стыдясь своих слов, столь несоответствующих истинному духу Венеции. Будто нуждается в оправданиях женщина, любившая божественного поэта! Того, кто был не только одним из умнейших людей своей эпохи, — а ведь эта эпоха, отроческие годы столетия, славилась блистательными умами, — но и одним из самых жизнерадостных и самых красивых.

Племянница, по словам миссис Прест, была не столь древней, пожалуй, даже следовало предположить, что она лишь внучатая племянница. Возможно, так оно и было; я ведь не имел иных сведений, кроме тех, которые мог почерпнуть из скудного запаса Джона Камнора, английского почитателя моего кумира, а он ни племянницы, ни тетушки в глаза не видывал. Как уже говорилось, Джеффри Асперн заслужил в наши дни всеобщее признание, но никто не пошел в этом признании дальше нас с Камнором. Толпы верующих стекались в храм его славы, мы же смотрели на себя, как на жрецов этого храма. Мы считали, и на мой взгляд справедливо, что сделали больше, чем кто бы то ни было, для возвеличения памяти Асперна, хотя бы одним тем, что нам удалось многое прояснить в его жизни. Это не было для него опасно, так как он мог не опасаться правды, — а чего еще, как не одной лишь правды, искали мы сквозь даль времен? Его ранняя смерть была единственным, что, так сказать, омрачало воспоминания о нем, разве только в бумагах, хранившихся у мисс Бордеро, крылось еще что-то. Ходили слухи, будто около 1825 года он «дурно обошелся с ней», столь же, впрочем, смутные, как и другие слухи, будто она была не единственной, кого он, пользуясь простонародным выражением, «околпачил» в свое время. Но нам с Камнором удалось обстоятельно разобраться в каждой из слышанных историй, и всякий раз

мы могли, не греша против своей совести, отвести обвинение. Быть может, из нас двоих я был более снисходительным судьей, по крайней мере, мне всегда казалось, что трудно было вести себя достойнее в подобных обстоятельствах. А обстоятельства нередко бывали и сложными и рискованными. Половина его современниц, мягко говоря, кидалась ему на шею, и пока свирепствовало это поветрие, кстати весьма заразительное, неизбежны были некоторые тяжелые случаи. Я был прав, сказав миссис Прест, что он не дамский поэт. Да, он не таков для его нынешних поклонников, но иное было дело, когда в звуках песни слышался живой голос ее сочинителя. А этот голос, по всем свидетельствам, обладал редким очарованием. «Орфей и менады» — вот мнение, которое сложилось у меня прежде, чем я стал знакомиться с его перепиской. И надо сказать, почти все менады оказались неразумными в своем поведении, а многие просто невыносимыми; не раз мне приходило в голову, что, окажись я на его месте — чего, разумеется, и вообразить нельзя, — у меня никогда не нашлось бы столько доброты и понимания, сколько неизменно выказывал он.

Разумеется, более чем странно, — и я не хочу занимать место попытками это объяснить, — что мы вели свои поиски, сосредоточивали свои усилия там, где приходилось иметь дело лишь с тенью и прахом, с отзвуками отзвуков, тогда как единственный живой источник сведений, не иссякший до наших дней, остался нами незамеченным. Мы были убеждены, что никого из современников Асперна уже нет в живых, нам ни разу не довелось заглянуть в глаза, в которые он смотрел когда-то, коснуться старческой руки, словно бы хранившей тепло его пожатия. И глубже всех других была нами погребена бедная мисс Бордеро, а между тем она-то одна и жила еще. С течением времени мы даже перестали удивляться, как это нам не удалось напасть на ее след раньше, находя объяснение в том, что она так старательно затаилась от света. У бедной женщины были в конце концов на то свои причины. Но поражал самый факт, что во второй половине XIX века, в эпоху газет, телеграмм, фотографов и репортеров кому-то вообще оказалось возможным затеряться в безвестности. Она, кстати, не прилагала к этому особых усилий, не укрылась в какой-нибудь захолустной глуши, а смело выбрала город, где все напоказ. Пожалуй, ее отчасти спасало изобилие в этом городе других, куда более заметных достопримечательностей. Да и случай подчас помогал — взять хотя бы то обстоятельство, что в прошлый мой приезд, пять лет назад, миссис Прест ни разу не упомянула при мне ее имени, а ведь я тогда около трех недель прожил в Венеции, можно сказать, под самым боком у нее. Впрочем, моя приятельница не говорила о ней ни с кем и едва ли не позабыла вообще об ее существовании. Но, разумеется, миссис Прест не обладала темпераментом издателя. Часто старуха все время жила за границей, этим тоже не объяснишь, как ей удалось ускользнуть от нашего внимания, наши розыски бессчетное число раз заставляли нас не только писать, но и лично ездить во Францию, в Германию, в Италию страны, где Асперн провел так много лет своей слишком недолгой жизни, не говорю уже об Англии, пребывание в которой оказалось таким значительным для него. Мы себя утешали мыслью, что в предпринятых нами публикациях — кое-кто, кажется, и сейчас находит, что мы в них переусердствовали, — лишь косвенно, полунамеком затрагивалось то, что было связано с мисс Бордеро. Странно сказать, но даже располагай мы письменными свидетельствами, о судьбе которых нам не раз доводилось задумываться, это был бы самый нелегкий

для биографа материал.

Гондола остановилась, старый дворец был перед нами — одно из тех венецианских строений, за которыми это пышное название сохраняется, даже если они вконец обветшали. «Что за прелесть! Он весь серо-розовый!» воскликнула моя спутница, и, пожалуй, точнее его нельзя было описать. Дом простоял не так уж долго, два-три столетия, не более, и вид у него был не столько запущенный, сколько присмирело-унылый, точно от сознания, что жизнь не удалась. Но широкий фасад с каменной лоджией во всю длину *piano nobile*, или парадного этажа, был не лишен архитектурной затейливости, подчеркнутой обилием пилястров и арок, а предзакатное апрельское солнце румянило облупившуюся от времени штукатурку в простенках. Выходил он на чистый, но угрюмый и довольно пустынный канал, по сторонам которого тянулись узкие тротуары.

«Сама не знаю отчего, — сказала миссис Прест, — но мне этот уголок всегда казался скорей голландским, чем итальянским, пусть здесь и нет островерхих крыш, а похоже больше на Амстердам, чем на Венецию. По тому ли, по другому ли, но уж очень кругом опрятно, глаз не привык, и хоть вдоль берега можно пройти пешком, но пешеходов почти не встретишь. Во всем этом есть какая-то натянутость, если вспомнить, где мы находимся, точно в протестантском воскресенье. Может быть, люди просто побаиваются барышень Бордеро. Ведь они слынут чуть не колдуньями».

Но помню, что я ей отвечал, — меня беспокоили два новых соображения. Первое заключалось в том, что если старуха живет в таком большом, внушительного вида доме, значит, не так уж она бедна и едва ли соблазнится случаем отдать две-три комнаты внаем. Я высказал это опасение миссис Прест, но та сразу же возразила: «Если б она жила в доме поменьше, о каких бы комнатах для сдачи внаем могла идти речь? Ютись она в тесноте, у вас не нашлось бы предложения для знакомства с ней. К тому же здесь, в Венеции, и особенно в этом *quartier perdu*¹ большой дом ровно ни о чем не свидетельствует, можно жить в таком доме и терпеть крайнюю нужду. Есть полуразвалившиеся старые *palazzi*,² которые вы можете снять за пять шиллингов в год, была бы охота. Что же до их обитателей — о нет, но зная Венецию, как я ее успела узнать, вы и представить себе не можете положение этих людей. Они живут ничего не тратя, потому что тратить им нечего». Второе соображение, которое у меня возникло, связано было с высокой голой стеной, огораживавшей небольшой участок около дома. Я назвал ее голой, но она порадовала бы глаз художника пестротой пятен, образованных слезшей побелкой, заделанными трещинами, оголившимся кирпичом, бурым от времени, а над нею торчали верхушки чахлах деревьев и остатки полустгнившего трельяжа. Видимо, при доме был сад, и мне пришло в голову, что это может послужить искомым предложением.

Я смотрел из гондолы на всю картину, залитую золотым светом Венеции, до тех пор, пока миссис Прест не спросила, намерен ли я тотчас начать действовать (и следует ли ей в этом случае меня дожидаться) или же предпочту приехать в другой раз. И тут, признаюсь, я выказал малодушие — не сумел решить сразу. Хотелось верить, что мне удастся стать обитателем дома, и боязно было потерпеть неудачу, ведь тогда, как я объяснил своей спутнице, в моем колчане больше не осталось бы стрел. «А почему, собственно?» — спросила она и, видя мои колебания и нерешительность, добавила, что, мол, не проще ли еще до всяких попы-

ток навязаться в жильцы, — ведь это, даже в случае успеха, может быть чревато для меня множеством неудобств, — не проще ли предложить некоторую сумму наличными. Быть может, я таким образом получу, что мне нужно, не рискуя своим покоем по ночам.

— Дорогая миссис Прест, — воскликнул я, — не посетуйте на меня за горячность, но вы, должно быть, забыли о тех обстоятельствах — а ведь я подробно излагал их вам, — которые заставили меня искать у вас совета. Старуха не желает, чтобы кто-либо даже словом коснулся ее реликвий, для нее это нечто личное, интимное, сокровенное, а до веяний времени ей дела нет, бог с ней совсем! Начать с разговора о деньгах значит сразу же загубить все. Я могу приблизиться к цели, только усыпив ее бдительность, а усыпить ее бдительность возможно лишь с помощью дипломатических уловок. Лицемерие, двойная игра — вот единственное, что мне может помочь. Факт прискорбный, но ради Джеффри Асперна я готов на любую подлость. Начну со светской беседы за чашкой чая, а там уже приступлю к главному. — И я пересказал ей все происшедшее после того, как Джон Камнор почтительнейше обратился к старухе с письменной просьбой. Первое его послание осталось вовсе без ответа, когда же он написал вторично, то получил коротенькую записку от племянницы, в которой довольно резко говорилось, что «мисс Бордеро совершенно не понимает, из-за чего ему понадобилось их тревожить. Никаких „автографов“ мистера Асперна у них нет, а если бы и были, они уж наверно не стали бы их никому и ни для чего показывать. Она совершенно не понимает, о чем идет речь, и просит оставить ее в покое». Я, разумеется, не испытывал никакой охоты получить подобный же отпор.

— Хорошо, — помолчав минуту, сказала миссис Прест с явным вызовом в тоне, — а может быть, у нее и в самом деле нет ничего? Раз они настаивают на этом, почему вы так уверены?

— Джон Камнор уверен, и было бы слишком долго объяснять, как сложилась у него эта уверенность, или, скажем, догадка, но настолько твердо укоренившаяся, что ее не поколебать никаким басням старухи, которую, впрочем, нетрудно понять. К тому же он придает большое значение скрытой улике, содержащейся в ответе племянницы.

— Какой скрытой улике?

— Тому, что она назвала его «мистер Асперн».

— Не вижу, что это доказывает.

— Доказывает личное знакомство, а раз было знакомство, наверняка есть и вещественные следы его: письма, сувениры. Не могу передать вам, до чего это словечко «мистер» меня волнует, точно оно — мостик, перекинутый через бездну лет, по которому я могу приблизиться к своему герою, и до чего усиливает мое желание увидеть Джулиану. Ведь не сказали бы вы «мистер Шекспир».

— Не сказала бы, даже будь у меня целый ящик его писем.

— А вот будь это любовные письма и знай вы, что за ними кто-то охотится, может, и сказали бы! — И я добавил, что Джон Камнор, будучи полностью убежден и еще укрепившись в своем убеждении после полученного ответа, не преминул бы сам отправиться в Венецию, да только для того, чтобы войти в доверие к тетке и племяннице, нужно было не бояться, что в нем узнают писавшее к ним лицо, а ни вымышленное имя, ни фальшивое поведение не могли служить порукой, что обман в конце концов не будет разоблачен. Если бы его

спросили прямо, не он ли их неудачливый корреспондент, он бы не решился солгать; для меня же, по счастью, подобной неловкости не существовало. Я был чист — мог все отрицать, не прибегая ко лжи.

— Но все равно вам придется взять другое имя, — сказала миссис Прест. Джулиапа почти не общается с миром, однако же, по всей вероятности, ей известно, кто проявляет интерес к наследию Асперна. Может быть, у нее даже есть ваши прежние публикации.

— Об этом я подумал, — сказал я и достал из бумажника визитную карточку, на которой было изящно выгравировано достаточно внушительное *nom de guerre*.³

— Что за расточительство, еще один признак вашей безнравственности! Можно было просто написать чернилами или карандашом.

— Так правдоподобнее.

— Я вижу, охота придает вам смелости. Но вот неудобство: из-за этого маскарада вы не сможете получать свою почту.

— Ее будут оставлять для меня в банке, а я каждый день стану за ней навещать. Кстати — и повод для прогулки.

— А других разве не найдется? — спросила миссис Прест. — Меня-то вы, надеюсь, будете навещать?

— Да вы, наверно, сбежите на жаркие месяцы из Венеции задолго до того, как я хоть чего-нибудь достигну. Я же готов изнывать тут все лето, а если понадобится, и дольше, как вы легко можете догадаться. Что же до Джона Камнора, то он будет бомбардировать меня письмами, адресуя их моей *padrona*⁴ для передачи мне — под принятым мною именем.

— Но она может узнать его почерк, — сказала моя спутница.

— Надписывая адрес на конвертах, он изменит почерк.

— Вот уж истинно два сапога пара! А вам не приходило в голову, что, даже не отождествляя вас с мистером Камнором, они могут заподозрить, будто вы подсланы им?

— Могут, разумеется, и тут я вижу один только способ отразить опасность.

— Что же это за способ?

Я с минуту помялся.

— Приволокнусь за племянницей.

— О-о! — воскликнула миссис Прест. — Вы на нее сперва посмотрите.

II

«Главное — это сад, главное — это сад», — твердил я себе несколько минут спустя, дожидаясь один наверху, в длинной, пустой и полутемной sala, выложенный плитками пол которой смутно поблескивал там, где сквозь щели в ставнях пробивалось немного света. Внушительное это помещение было, однако, каким-то холодным и неудобным.

Миссис Прест отплыла в своей гондоле, назначив мне randevu через полчаса у ближнего причала; я же дернул ржавую проволоку звонка, и мне открыла совсем юная и недурная собой рыжеволосая, белолицая служаночка в деревянных башмаках и в шали, на манер капюшона накинутой на голову. Она не поленилась пробежать вниз, вместо того чтобы с помощью нехитрого механического приспособления отворить дверь сверху, правда, сперва она, как водится, окликнула меня из окошка верхнего этажа — мера предосторожности, обычно принимаемая в Италии прежде чем впустить человека в дом. Меня всегда раздражал этот пережиток средневековых нравов, хоть при моем влечении к старине, — пусть несколько особого рода, — это, казалось бы, должно мне нравиться, но коль скоро уж я решил добиваться в этом доме расположения любой ценой, я вытащил свою фальшивую визитную карточку и с любезной улыбкой помахал ею над головой, точно это был талисман, обладающий магическим действием. И, видимо, она такое действие оказала, ибо, как уже было сказано, девушка тут же самостоятельно спустилась вниз. Я попросил ее передать карточку хозяйке, предварительно написав на обороте по-итальянски: «Не соблаговолите ли вы уделить несколько минут приезжему, путешественнику-американцу?» Служаночка не выказала враждебности — что уже можно было считать некоторым успехом. Она порозовела, она улыбнулась и поглядела на меня не без страха, но и не без удовольствия. Ясно было, что мой приход явился событием, что гости редкость в этом доме и что она охотно предпочла бы место повеселее. Когда она захлопнула за мной тяжелую дверь, я почувствовал себя как бы ступившим одной ногой в крепость и тут же пообещал себе, что сумею там удержаться. Девушка простучала башмаками по каменному сырому полу к высокой лестнице — на вид еще более каменной, — и я последовал за ней, не дожидаясь приглашения. Она, вероятно, думала что я подожду внизу, но это не входило в мои расчеты. Мы поднялись в sala, она не останавливаясь пробежала в дальний конец и скрылась в каких-то неприступных глубинах дома, а я остался у входа, оглядываясь кругом с бьющимся сердцем, как будто попал в приемную дантиста. Сумрачная величественность sala создавалась главным образом ее благородными пропорциями и великолепными резными дверьми, которые чередовались между собой через равные промежутки и вели, должно быть, во внутренние комнаты. Двери были увенчаны выцветшими от времени орнаментальными щитами, а в простенках висели темные картины — прескверные, насколько я мог заметить, в истресканных потускневших рамах, представлявших все же большую ценность, чем сами холсты. Вдоль стен жалось несколько стульев с соломенными сиденьями, но кроме них не было ничего, что скрадывало бы пустоту обширного помещения. Судя по всему, оно использовалось лишь как проходной коридор, да и то не часто. Добавлю еще, что к тому времени, как дальняя дверь, за которой исчезла служан-

ка, распахнулась снова, мои глаза успели привыкнуть к полутьме.

Мой мысленный возглас, приведенный выше, не следовало понимать в том смысле, что я рвался собственноручно возделывать огороженный клочок земли около дома, хотя женщина, шедшая ко мне по мерцающим плиткам пола, легко могла именно так истолковать ту горячность, с которой я бросился к ней навстречу, восклицая — предусмотрительно по-итальянски: «Сад, сад — умоляю, скажите мне, что это ваш сад!»

Она остановилась в недоумении, потом холодно и печально ответила по-английски:

— Здесь нет ничего моего.

— Так вы англичанка, какая удача! — восторженно вскричал я. — Но ведь сад без сомнения принадлежит этому дому?

— Да, но дом не принадлежит мне.

Она была высокого роста, худощавая, бледная, в неопределенного цвета одеянии, напоминавшем домашний капот. Говорила она тихо и безо всякой мажорности. Если это была племянница, то она повела себя со мной точно так же, как некогда с миссис Прест — не предложила мне сесть. Так мы с ней и стояли друг против друга посередине торжественно пустынной sala.

— Тогда не будете ли вы столь любезны объяснить, к кому я должен обратиться. Моя назойливость вам, верно, кажется неприличной, но мне, видите ли, необходим сад, положительно необходим, клянусь честью.

Ее лицо не было ни молодым, ни красивым, но оно было открытым и ясным. Глаза были большие, но не блестящие, волосы — густые, но не убранные помодному, руки тонкие и изящной формы, но, возможно, не вполне чистые. Вдруг она судорожно сжала эти руки и воскликнула в испуге и замешательстве:

— Ах, не отнимайте его у нас, мы сами так его любим!

— Стало быть, вы бываете там?

— О, да! Если бы не этот сад... — И она улыбнулась бесцветной, неопределенной улыбкой.

— Да, ведь это роскошь, не правда ли? Оттого именно, предполагая провести в Венеции месяц или два, а может быть, и все лето, в литературных занятиях, требующих тишины и покоя, я и возмечтал о саде, где можно было бы читать и писать, в то же время большую часть дня проводя на воздухе. Вы меня поймете, я уверен. — Тут я улыбнулся со всей светскостью, на которую мог отважиться. — А теперь нельзя ли мне взглянуть на этот сад?

— Я не знаю, я не понимаю, — забормотала бедная женщина, видя, что деваться ей некуда, и безуспешно пытаясь свое робкое недоумение противопоставить моему чудачеству.

— Разумеется, лишь отсюда, из этого великолепного окна, — я только с вашего позволения открою ставни. — И я поспешно зашагал в глубь залы, однако же на полдороге остановился, как бы ожидая, что моя собеседница последует за мной. Вынужденный действовать довольно напористо, я в то же время заботился о том, чтобы произвести впечатление человека изысканно учтивого. — Я обошел, кажется, все дома, где отдаются внаем комнаты, но мне так и не удалось найти ни одного с садом. Оно и не удивительно — в таком городе, как Венеция, сады редки. А я, хоть это и странно для мужчины, не могу жить без цветов.

— Что уж тут у нас за цветы. — Она сделала несколько шагов, словно я тянул